
МИФОЛОГЕМА «ПОТОМОК НЕГРОВ» КАК ЗНАЧИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПУШКИНСКОГО МИФА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Т.Г. Шеметова

Кафедра русской литературы XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается мифологема *потомок негров* как структурная единица пушкинского мифа. Показано, как развертывание содержания мифа в литературе XX в. постепенно снимает исходные противоположности, лежащие в его основе.

Ключевые слова: мифологема, Пушкин, пушкинский миф, «потомок негров».

Пушкинский миф как культурный феномен XX в. активно изучается в современной науке, о чем свидетельствует целый ряд исследований последнего десятилетия: сборник статей специалистов Пушкинского дома РАН «Легенды и мифы о Пушкине», сборник статей «Беллетристическая пушкиниана XIX—XX веков» с отдельным разделом «Функционирование „пушкинского мифа“», монография М.В. Загидулиной «Пушкинский миф в конце XX века». На наш взгляд, целесообразно выявить ряд специфических мифологем, из которых сконструирован пушкинский миф. Мифологема в данном случае — это элемент мифологического сюжета, которым может быть как наиболее репрезентативный образ, так и событие. Например, мифологемы, подразумевающие многозначные толкования в современной культурной ситуации: *царь, няня, Наталья Гончарова, Анна Керн, Дантес*. Образы-мифологемы, связанные с самоопределением поэта: *чудо-ребенок, арзамасский Сверчок, потомок негров, пророк, памятник*. Мифологемы-события: *лицейская дружба, «Арзамас», Южная ссылка, Северная ссылка, дуэль*. Мифогенность этих мотивов связана с их способностью генерировать новые трактовки, как в художественной, так и в научной сферах.

Основание мифологемы «потомок негров» заложено самим поэтом в известных стихотворениях «Юрьеву» («Любимец ветреных Лаис...») и «Моя родословная», а также неоконченном романе «Арап Петра Великого». Ср. «Юрьеву»: «А я, повеса вечно-праздный, / Потомок негров безобразный, / Возвращенный в дикой простоте, / Любви не ведая страданий, / Я нравлюсь юной красоте / Бесстыдным бешенством желаний...» [5. С. 42]. Как подчеркивает В. Руднев, «мифологические герои рождаются каким-нибудь экзотическим, с нашей точки зрения, образом: из головы отца, от наговора, от укуса какого-то насекомого и так далее» [7. С. 246]. Для пушкинского мифа чрезвычайно важно происхождение героя: «потомок негров» в центральной России — это искомая экзотичность. Известен ответ в рифму Пушкина-ребенка рябому поэту Дмитриеву, который хотел подшутить над своеобразной внешностью ребенка: «Какой арапчик! — Арапчик, да не рябчик!» Живучесть этого конструкта мифа подтверждается использованием афо-

ризма для современного политического анекдота о рябом президенте Украины и черном — Америки: «При встрече Обамы с Ющенко последний не удержался и сказал: „Какой арапчик!“ На что тут же получил ответ: „Да зато не рябчик!“»

Весьма характерно, что мифологема, подробно отраженная в русской литературе (в романе Ю. Тынянова «Пушкин», эссе М. Цветаевой «Мой Пушкин»; обращались к ней В. Набоков в романе «Дар», Абрам Терц в «Прогулках с Пушкиным» и др.), становится актуальной для межнациональных отношений. Так, нынешний президент США Барак Обама (сам уже ставший объектом мифологизации благодаря тому, что является первым «цветным» президентом) в интервью российским журналистам признался в своей любви к Александру Пушкину. Как было сказано в интервью, предки американского президента по отцовской линии жили в той же местности в Африке, что и Ганнибалы — предки Пушкина, на границе Эфиопии и Кении. Кроме того, дочь Обамы Наташа-Саша получила первое имя в честь жены Пушкина Натальи Гончаровой, а второе — в честь самого Пушкина. Завершающий аккорд развивающейся на наших глазах мифологемы — вывод автора газетной статьи о том, что «новый президент США — прямой потомок Ганнибала, а значит — и Александра Пушкина» [4]. Как видим, мифологическое сознание объединяет разнородные мифы с целью формирования единой непротиворечивой картины мира. Это происходит независимо от времени создания очередной мифологемы: поскольку миф не ограничен временем, ему не мешает то, что пушкинский и «обамовский» мифы находятся в разных планах диахронии.

Мифологема «потомок негров» подробно разработана в романе Ю. Тынянова «Пушкин» (1935—1937). Для описания «старых арапов», родственников Пушкина «по Ганнибалской линии», в романе используются такие характерные черты, как естественность, внутренняя грация, порывистость и искренность реакций, парадоксально связанная с хитростью, изворотливостью, лукавством. Это можно наблюдать при описании Петра Абрамыча Ганнибала, которого Тынянов называет «Аннибалом» в прямой и несобственно прямой речи персонажей, а в косвенной — «Ганнибалом», сохраняя тем самым временную дистанцию между имплицитным повествователем и героями.

Похожие черты использует В. Набоков в романе «Дар» (1935—1937) для фикционального описания «старого Пушкина», почудившегося молодым героям, сидящим в театральной ложе. Обратим внимание на сходную деталь — «горячую маленькую руку» Пушкина, которая перекликается с тыняновскими небольшими «желтыми руками» Петра Абрамыча. Общие коннотации: небольшой — маленький, желтый — горячий. Эта интертекстуальная связь, которая существует зачастую независимо от желания авторов, по принципу притяжения-отталкивания, возможно, объясняет неприятие писателем романа Ю. Тынянова «Пушкин», отразившееся в статье «Правда и правдоподобие», появившейся приблизительно в то время когда роман Тынянова стал известен (1937).

Мифологема негритянского происхождения Пушкина всесторонне обыгрывается Набоковым в мемуарах выдуманного им современника поэта. Во-первых,

герои приводят в театр деда Годунова-Чердынцева, двадцать лет не бывавшего в России, на драму «Отелло», в которой главную партию исполняет настоящий негр. Во-вторых, мнимый Пушкин (которого молодые повесы выдают за подлинного избежавшего пули «седого Пушкина») наслаждается игрой своего мнимого соотечественника: «потомок негров» смотрит на африканца. В-третьих, внешний облик старого Пушкина очень близок описанному Тыняновым Петру Абрамовичу Ганнибалу: небольшой рост, желтоватый цвет кожи, растрепанные волосы, толстые губы, стремительность и красота движений. Интересно, что негритянские черты, столь явно отмечаемые мемуаристами в детстве (ср. реакцию на них в рассказе И. Лукаша «Дурной арапчонок»), постепенно исчезают в зрелом возрасте, почти отсутствуют в самых известных портретах Пушкина (ср. слова М. Цветаевой в эссе «Мой Пушкин» о явной «светлоглазости» его многочисленных портретов). Вполне логично, что «сгущенные» в детстве черты вновь начнут проявляться в старости, что и фиксирует Набоков, делая своего «старика Пушкина» похожим на деда — тыняновского Абрама Петровича Ганнибала.

Необычный поворот мифологеми «потомок негров» можно наблюдать в творчестве М. Цветаевой. Как отмечает Д. Бургин, «этническая особенность, инаковость Пушкина привлекала Цветаеву больше, чем любой другой факт, касающийся его» [2]. Поэтесса постоянно говорит об его африканской крови и на основании происхождения развивает идею об избранной, особой «расе» русских поэтов, начало которой положил Пушкин. Ее подход к русской поэзии, по мысли исследователя, «выглядит как трактат о генетике, но, согласно этому генетическому исследованию, поэт, если он обладает гением, может и должен питать и возвращать себя сам, изнутри» [2].

В цикле Цветаевой «Стихи к Пушкину» (1931) гневная отповедь пушкинистам-эмигрантам, «Беженство свое смешавшим / С белым бешенством его», основывается на противопоставлении «африканского самовола» «гувернеру», воспитателю нравственности, каким хотят его представить критики. Их «измышлениям» она противопоставляет образ черного Пушкина — хохочущего негра. Для автора стихотворения он «наших прадедов умора», в чем нам видится отражение и продолжение ставшего уже общим местом блоковского понимания «веселого имени: Пушкин».

Современный исследователь Д. Бургин в книге «Марина Цветаева и трансгрессивный эрос» справедливо отмечает, что «цветаевский Черный Бунтовщик — это настолько же характеристика ее собственного бунтарского гения, насколько и истинного Пушкина» [2]. Однако Диана Бургин, будучи англоязычным автором, по-видимому, недооценивает ироническую сторону этого сопоставления: к концу стихотворения, по мнению исследователя, цветаевский Пушкин, «освобожден от пут одного набора стереотипов только для того, чтобы угодить в другой. Ее Пушкин оказывается тоже обреченным на определенную роль — „скалозубого“ здоровяка-негра, страшного в ярости», это «...не столько Черный Пушкин, сколько Пушкин в черном гриме» [2]. Такой вывод критика, на наш взгляд, противоречит ее собственной концепции, где цветаевский «негр» — метафора ина-

ковости любого прирожденного поэта. Таким «метисом» выступает во втором стихотворении цикла «Стихи к Пушкину» и царь Петр I.

«Горло кажущий» «оскал негра» — это всего лишь метафора хохочущего поэта. Ср. воспоминания современника: «Брюллов говорил про Пушкина: „Какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны!“» [6. С. 246]. Эта «веселая» составляющая цветаевского Пушкина отнюдь не учитывается Дианой Бургин, отсюда в ее воображении возникает ни с чем не сообразный «„скалозубый“ здоровяк-негр», причем «скалозубость» явно прочитывается критиком не как синоним «зубоскальства», т.е. склонности к насмешкам, а в качестве какого-то страшного «оскала», возможно, возникшего в сознании исследователя как аллюзия на цветаевского же Пугачева-«волка» из статьи «Пушкин и Пугачёв».

Книга Д. Бургин «Марина Цветаева и трансгрессивный эрос» (2000), несмотря на резкое неприятие российской критики, содержит немало важных наблюдений, в том числе в сфере обновления Цветаевой пушкинского мифа. Так, исследователь отмечает: «в нотабене своего письма к Пастернаку после изложения теории, „что Пушкин — еврей, т.е. семит“, она добавляет и позднее комментирует: „Переставь, т.е. напиши 2 тома исследований, или одно свое двустийное, что Пастернак — негр“». В творчестве Цветаевой обнаруживается тенденция к сопоставлению негров и евреев, которые, на ее взгляд, разделяли с поэтами судьбу гонимых и преследуемых изгоев общества [2]. Действительно, мифологема «потомок негров» превращается в эссе «Мой Пушкин» в символ не только избранничества, пророческой сущности поэта, как это было в «Стихах Пушкину», но и в символ изгойства.

Интересные параллели с темой «избранничества-изгойства» поэта, связанные с мифологемой «потомок негров» у Цветаевой, можно найти в «Прогулках с Пушкиным» Абрама Терца и в романе Т. Толстой «Кысь». Во-первых, псевдоним Андрея Сиявского апеллирует сразу и к «черному деду» (слова из «Моей родословной») Пушкина — Абраму Ганнибалу, и к одесскому бандиту, еврею Абрашке Терцу. Во-вторых, сюжет избранничества-изгойства, реализовавшийся в жизни Сиявского, через некоторое время вновь повторился в жизни И. Бродского и «сделал», по выражению Ахматовой, его судьбу. В литературе к нему обратилась Т. Толстая, поставив в романе «Кысь» протагониста Никиту Ивановича перед соответствующим жизненным выбором. В роли строго вопрошающей жизни выступает «неандерталец» Бенедикт, который требует от своего учителя «полной гибели всерьез», выражаясь словами Пастернака, для доказательства своей верности высокому искусству в лице Пушкина. Бенедикт и Абрам Терц — ролевые персонажи, необходимые авторам, чтобы взглянуть на проблему взаимоотношений искусства и жизни отстраненно и объективно.

Ролевой персонаж Абрам Терц дает возможность автору подчиниться «диктату языка», говоря словами И. Бродского, дать волю ассоциациям, аллюзиям, каламбурам, которые помогут обнаружить суть явлений. Под «волей языка» в «Прогулках с Пушкиным» следует понимать перцепцию мифа — его самое непосредственное, имманентное авторское восприятие. Отстранение же от Терца

с его «докультурным» Пушкиным-Петрушкой и Чарли Чаплиным дает Синявскому возможность подкрепить свои открытия авторитетом апперцепционной базы пушкинского мифа. Похожую роль выполняет ролевой персонаж Бенедикт в романе Толстой «Кысь».

Пример «воли языка» — это импровизация Терца о негритянском происхождении Пушкина, особенностями поэтического мышления напоминающее эссе Цветаевой «Мой Пушкин», опубликованное впервые в Советском Союзе в 1967 г. в журнале «Наука и жизнь». В данном случае непосредственная передача мифологема «из рук в руки» не так важна, как встреча в общем культурном пространстве пушкинского мифа.

Цветаева и Абрам Терц говорят уже не об «арапе», как Тынянов, пользующийся лексикой предыдущей эпохи, не о «потомке негров», согласно пушкинской автомифологеме, а о некоем символическом «негре», соединившем в своей крови разнородные начала. Само слово «негр» вызывает у писателя, как и у поэты, целый спектр аллюзий, прочно связанных, тем не менее, с «поэтической вселенной» Пушкина. Это сходство в решении мифологема потомка негров двумя писателями, принадлежащими разным к эпохам ее функционирования, свидетельствует о том, что «воля языка» находится строго в рамках пушкинского мифа.

Мифологизация образа поэта была свойственна русской литературе с начала ее существования. Как заметил Ю. Лотман в статье «О содержании и структуре понятия „художественная литература“», в XVIII—XIX вв. особая роль поэта в обществе стала осознаваться особенно ярко. Отсюда возникало противостояние поэтов, играющих различные социальные роли. В XVIII—XIX вв. это роль «святого», «возвышенного певца», барда, бича пороков (Державин, Капнист, Гнедич, Рылеев), которому противостоит «юродивый», поэт-пьяница, сатир (Костров, Милонов, Барков). Пушкин Синявского находит свою нишу примиряющего медиатора в этой бинарной оппозиции. Благодаря мифологеме «потомок негров» Пушкин Синявского обретает искомую самоидентификацию, которая позволит ему на равных войти в сложно устроенную иерархию мировой культуры. Эвристические догадки Синявского, изобразившего в художественной форме несобственно прямой пушкинской речи зарождение мифологема «потомок негров» и рефлексию поэта, имеют самостоятельную гносеологическую ценность.

Поэт в изображении Терца размышляет над своей «инаковостью», непохожестью на других, чтобы войти как незаменимая часть в состав нации, а затем и в «родовое множество» человечества. Терц пародировал интонации и лексику пушкинского мифа, обращаясь и с ним, как с живым организмом, однако конечная цель для Терца — найти общий язык с истинным Пушкиным. Тупик вечного изгойства поэта снимается Терцем постижением ценности конкретной пушкинской личности, метафорически связанной с его мифологической родиной — Африкой. Модернизация мифа и интимизация образа Пушкина осуществляется в «Прогулках...» в рамках существующей иерархии. Изгойство как непохожесть на других вознаграждается счастьем неожиданной встречи с собой как с другим. В этом нам видится важное проявление аксиологии пушкинского мифа, которое можно

сопоставить с явлением «другого Я» в «Пророке» Пушкина: «я влачился» — «серафим явился» (другой Я).

Мифологемы, формирующие пушкинский миф в русской литературе, по-прежнему продуктивны. Свидетельство тому — дальнейшая их разработка в современной литературе. В романе Т. Толстой «Кысь» (2000) сюжетная основа пушкинского мифа теряет четкие очертания, доносится до героев в виде отзвуков, когда-то имевших смысл. Поэтому ставшие нарицательными слова «пушкин», «дубельт» превращаются в синонимы, а мифологема «потомок негров» теряет свои коннотации, кроме основного признака — «черный», который в финале обернется «огненным». Памятник Пушкину теперь существует в форме древесины, «дубельта», который от дождей чернеет. Черный Пушкин остается, тем не менее, значимым символом: протагонисту Никите Ивановичу удастся донести до «неандертальца» Бенедикта «чувства добрые» — сам дух пушкинской поэзии, парадоксально минуя форму пушкинского стиха, его язык. Явившись провозвестником «благой вести» о Пушкине, Никита Иванович гибнет, распятый на своем «пушкине», и возносится над Федор-Кузьмичском — бывшей Москвой. Бенедикт остается наедине с обугленным «пушкиным» — тем, что осталось после пожара.

В эссе А. Балдина «Протяжение точки» (2009) африканское происхождение поэта оборачивается неким природным «месторождением», дарованным русскому самосознанию. Эта дарованная от века пушкинская «книга» от долгой невостреманности слежалась «в уголь», но все еще нуждается в новом «открытии». Открыватели этого нового «угольного» месторождения: писатели, ученые-филологи — по-видимому, представлены у Балдина в образе «каторжан с заступами». Если иметь в виду литературоведческие экскурсии В. Шаламова, А. Солженицина, А. Синявского, то этот образ современного автора совершенно оправдан.

Подводя итоги, можно отметить, что мифологема «потомок негров» инкорпорируется в текст русской литературы писателями XX века, начиная с Ю. Тынянова и В. Набокова, обратившихся к образу «старого» Пушкина — Ганнибала. Тынянов вызвал к жизни «черного деда» Абрама Ганнибала, а Набоков похожего на него «старого Пушкина» — и тот, и другой образы демонстрируют историческую перспективу пушкинского гения: Тынянов ищет его истоки в прошлом, Набоков видит зримые черты его неповторимой поэтики в настоящем. Отсюда стилевое различие текстов, писавшихся в одно время: тыняновский роман является арханизацией, набоковский — модернизацией пушкинского мифа.

Аналогичную оппозиционную пару можно увидеть, сопоставив разработку этой мифологемы М. Цветаевой и А. Синявским-Терцем. В обоих случаях, как нам представляется, реализован жанр, заявленный А. Синявским как «прогулки» и восходящий, по всей видимости, к «Прогулкам одинокого мечтателя» Ж-Ж. Руссо. «Мой Пушкин» и «Прогулки с Пушкиным» написаны в ситуации изоляции, духовного одиночества. Единственным собеседником, спасающим от экзистенциального тупика, становится Пушкин (Я — другой), а символом выхода из изоляции — прогулки. Вместо «цивилизованного Пушкина», предлагавшегося эмиграцией и метрополией, Цветаева и Синявский выбирают своего «естественного челове-

ка» — потомка негров. Различие трактовок состоит в интонации — возвышенной у Цветаевой и пародийной у Синявского.

Современные писатели Т. Толстая и А. Балдин имеют дело с той модификацией мифа, которая сформировалась к концу XX в. Они фиксируют удаленность мифа от своего первоисточника и насущную потребность в его коррекции в связи с новым историческим опытом. «Месторождением породы» называет Балдин ту часть поэтического дарования поэта, которую мы здесь обозначили авторской мифологемой поэта «потомок негров». Для Балдина и Толстой особенно важно конкретное воплощение пушкинского мифа — топос Москвы (Федор-Кузьмичск из романа «Кысь»). Балдин и Толстая подходят к мифу с кардинально противоположных сторон. Первый центристренителен: видит средоточие («протяжение точки», по авторскому выражению) пушкинского мифа в Москве. Она для него тайна и загадка русского самосознания. Для Толстой Москва как центр России — это своеобразный нуль в системе духовных координат. До нуля ее снижают многочисленные переименования (Сергей-Сергеичск, Федор-Кузьмичск, Кудеяр-Кудеярычск), знаменующие советскую тенденцию переименования городов и улиц. Отсюда и различие стилей писателей. Толстая пользуется всей «системой координат» литературы XX в.: сказовый артистизм, втянувший в свою орбиту всю русскую литературу и историю. Закономерно поэтому, что М. Голубков называет роман «Кысь» итогом и финалом русского постмодернизма [3. С. 344]. После символической «смерти русского постмодернизма» Балдин, подобно своему герою Пушкину, испытывает необходимость создания особого метафизического (осознанно мифологического) языка пространства, начинает «с нуля».

Если пушкинскому мифу можно приписать когнитивную функцию — осмысление всей истории русского самосознания, то Москва как топос будет выражать коммуникативную функцию столицы как средоточия разнонаправленных импульсов. Балдин называет Москву «частью поэтической машины Александра Пушкина» [1. С. 573]. Чертеж целого, по мысли писателя, утрачен, поэтому повествователь вслед за пушкинским пророком ощущает себя посреди пустыни. Свою цель писатели видят в соединении частей, «разбросанных повсюду»: от чудовищности бытия, порожденного катаклизмами века XX, к гармонии и гуманности «золотого века».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Балдин А. Протяжение точки. — М.: Первое сентября, 2009.
- [2] Бургин Д. Марина Цветаева и трансгрессивный эпос // <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?r=burgin>
- [3] Голубков М. История русской литературной критики XX века (1920—1990-е годы). — М.: Академия, 2008.
- [4] Максимова Н. Медведев подарит Обама портрет Пушкина? // «МК» в Питере. Российский региональный еженедельник. 4 марта 2009 г.
- [5] Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979.
- [6] Россет А.О. Воспоминания // Русский архив. 1882, I.
- [7] Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 2001.
- [8] Толстая Т.Н. Кысь. — М.: Эксмо, 2010.

**MYTHOLOGEM “DESCENDANT NEGRO”
AS A SIGNIFICANT ELEMENT OF THE MYTH OF PUSHKIN
IN LITERATURE OF THE XX-TH CENTURY**

T.G. Shemetova

Department of Russian Literature of XX—XXI centuries

Moscow State University

Lenin's mountains, 1, Moscow, Russia, 119991

The article considers the myth of “a descendant of the Negro” as a structural unit of the Pushkin’s myth. It is shown, how expansion of the maintenance of a myth in the XX-th century literature gradually removes the initial contrasts lying in its basis.

Key words: mythologem, Pushkin, Pushkin’s myth, “a descendant of the Negro”.